

УДК 316.346.2

UDC 316.346.2

ФАКТОРЫ СНИЖЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

FACTORS OF BURNING FERTILITY IN MODERN CHINA: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Чжао Лицзяфэн,
аспирант кафедры
социологии БГУ

Zhao Lijiafeng,
PhD student of the department
sociology BSU

Поступила в редакцию 09.01.2024.

Received on 09.01.2024.

В статье представлен социологический анализ проблемы снижения рождаемости в современном Китае с точки зрения феминистического подхода. Представлен сравнительный анализ социальных ролей китайских женщин традиционного и современного типов общества, а также показана трансформация личностной идентификации женщин в Китае.

Ключевые слова: социологический анализ, снижение рождаемости, феминистские взгляды, феминизм, гендерные роли, киберфеминизм, репродуктивные установки.

The article presents a sociological analysis of the problem of declining fertility in modern China from the point of view of a feminist approach. A comparative analysis of the social roles of Chinese women of traditional and modern types of society is presented, and the transformation of the personal identification of women in China is shown.

Keywords: sociological analysis, fertility decline, feminist views, feminism, gender roles, cyberfeminism, reproductive attitudes.

Введение. В 1978 г. в Китае на фоне значительно обострившейся проблемы перенаселения была официально провозглашена политика планирования семьи, которая на долгие годы стала важным государственным ориентиром в области демографии и оказала большое влияние на численный состав китайского населения. Кратко суть данной политики заключалась в побуждении китайцев, представляющих как различные этнические группы, так и разнообразные социальные статусы ограничить процесс деторождения одним ребенком («Одна семья – один ребенок»). Результатом таких мер стало довольно быстрое снижение общего коэффициента рождаемости на фоне стабильного общего уровня воспроизводства населения уже в начале 1990-х гг. Так, например, согласно данным переписи населения, опубликованным Национальным бюро статистики Китая, в 2000 и 2010 г. суммарный коэффициент рождаемости составлял всего 1,22 и 1,18, а в 2015 г. – 1,047 [1].

Достигнув поставленных задач по снижению рождаемости, центральное правительство Китая решило внести коррективы в проводимую политику, осуществлявшуюся с 1980 по 2015 г., и изменить многолетнюю практику ограничения деторождения за

счет принятия нового решения – разрешить каждой семье иметь до двух детей. Внедрение «всеобъемлющей политики двух детей» с 1 января 2016 г. действительно обеспечило стимулирование рождаемости, некоторые семьи в течение короткого периода времени решились родить второго ребенка, после чего общий коэффициент рождаемости в Китае достиг уже 1,77 в год [1]. В первую очередь новыми послаблениями смогли воспользоваться семьи, чей доход превышает 500 американских долларов на одного члена в месяц, а также женщины, отказавшиеся выполнить настоятельно рекомендованную ранее медицинскую манипуляцию по перевязке маточных труб после рождения первенца. Однако данная политика, не подкрепленная какими-либо экономическими или социальными мерами, не имела долгосрочного эффекта. Как показали статистические данные, уже в 2018 г. суммарный коэффициент рождаемости опустился до уровня 1,5, а к 2019 г. – до 1,45 [2]. Снижение общего коэффициента рождаемости до уровня менее 1,5 (критически низкий показатель) заставляет задуматься о возвращении опасности попасть в «ловушку низкой рождаемости». Особенно актуальной эта проблема становится на фоне результатов очередной пере-

писи населения в Китае, опубликованных в мае 2021 г., где общий коэффициент рождаемости составил 1,12 (для сравнения – в 2020 г. он равнялся 1,3), а в 2022 г. снизился примерно до 1,00 [2]. Таким образом, впервые за продолжительное время в Китае было официально зафиксировано рекордное снижение рождаемости – менее семи рождений на 1000 человек. При этом официальная политика двух детей не оказала особого влияния на существенное снижение рождаемости, поскольку, по нашему мнению, не является ключевым фактором, способным повлиять на желание семей иметь детей. Все это в значительной степени актуализирует потребность в разнонаправленном изучении и осмыслении реальных репродуктивных установок и мотивов молодых людей, поскольку дальнейшее сохранение низкого уровня рождаемости в китайском обществе и сопутствующее ему быстрое старение населения представляют собой не только острую демографическую проблему, но и прямую угрозу национальной безопасности.

Теоретической базой статьи выступили концепции экзистенциального феминизма (С. де Бовуар [3]), теория «угнетенной женщины» Дж. Милла [4], теория репродуктивного отчуждения Э. Джаггер [4], а также работы китайских исследователей в сфере сетевого феминизма (Цзян Тао [5], Ду Юйцзе и Го Ли [6]). Целью данной статьи является анализ влияния феминистических идей на систему ценностей современной китайской молодежи как одного из значимых факторов снижения рождаемости. В статье предполагается решение следующих задач – описание положения женщины в традиционном китайском обществе; анализ влияния ценностей западного феминизма на отношение китайских женщин к деторождению; интерпретация феномена «киберфеминизм» как синтеза идей феминизма и ценностей цифрового общества.

Основная часть. В традиционном китайском обществе на протяжении тысячелетий мужчины занимали доминирующее положение, тогда как женщины играли второстепенные роли, подчиняясь мужчинам. Как правило, женщины не имели права на получение образования, не могли участвовать в общественной и политической жизни. Фактически вся жизнь женщины была сосредоточена вокруг мужчин (отцов, мужей, братьев) – «женщина рассматривалась как собственность

мужчины, которая приобретает социальное значение только в виде товара» [7, с. 79]. Единственным исключением являлось рождение сына, что делало статус женщины более защищенным, придавало ей почет и уважение со стороны других родственников. Как видим, женская самореализация осуществлялась исключительно в семье – в рождении и воспитании детей, выполнении домашних обязанностей, лечении больных, уходе за пожилыми.

Как отмечают Г. Г. Корноухова и Е. С. Луковкина, на начало XX в. положение женщин в Китае было гораздо более угнетенным, чем в дореволюционной России, – «образ жизни, который вынуждена была вести каждая китаянка, имел затворнический характер и был строго изолирован от мужчин: женщины не имели права показываться на глаза никому из них, за исключением своего отца. Женщина оставалась абсолютно бесправным существом и была лишена даже возможности самостоятельно решать вопрос о собственном внешнем виде. Все, вплоть до мелочей, за китаянку решал в юные годы отец, а затем муж и свекор» [8, с. 49]. В подобных условиях феодальной этики китайские женщины «не могли самостоятельно выбирать собственные жизненные траектории» [5, с. 147].

Социальные изменения, процессы социализации, начало которым было положено в XX в. значительно трансформировали устои и ценности традиционного патриархального китайского общества, сделали возможным распространение в китайском обществе феминистских идей. Феминистское движение впервые появилось в Китае в начале XX в., по мере того как популярные на Западе теории женской эмансипации стали привлекать внимание китайской общественности. Например, британский философ и социолог Г. Спенсер («Книга о правах женщин» [4]), как и Дж. Милль («Теория угнетения женщин» [4]), подчеркивали равенство мужчин и женщин и призывали последних активно бороться за свои права. Впрочем, в силу культурно-исторической специфики Китая эти идеи приобрели популярность лишь среди узкой прослойки высокообразованных интеллектуалов, в то время как большинство китайского населения не имело к ним доступа. Ситуация несколько улучшилась лишь после расцвета в Китае марксизма (20-е гг. XX в.), в котором внимание частично уделялось освобождению женщин.

Стоит отметить, что распространение идей феминизма и осознание китайскими женщинами своей новой роли в семье и обществе происходило в период острейшего кризиса 20-х гг. XX в., что делало проблему женской эмансипации второстепенной, как для правительства, так и для самих китайских женщин. Достижение равенства мужчин и женщин рассматривалось китайским правительством не как самоцель, а скорее, как способ преодоления других общенациональных проблем – бедность, голод, безработица [8]. По мнению китайских исследователей, большинство женских объединений, созданных в первой половине XX в., имели не столько феминистский, сколько националистический характер и нацеливались, скорее, на «преодоление угрозы, нависшей над Китаем», на «борьбу за сохранение целостности и национального самосознания», на «развитие и процветания Китая», а не на непосредственное решение «женского вопроса» [10, с. 367]. Как отмечает Э. Джаггер в своей книге «Женская политика и природа человека» [4], «отчуждение женщин – это не только проявление их угнетения, но и первопричина угнетения женщин» [4, с. 236]. Следовательно, для того чтобы произошли коренные изменения в сознании женщин, необходима глубинная перестройка социальных и экономических основ функционирования всего общества.

Экономическое и политическое становление Китайской Народной Республики (проведение комплексных социальных реформ, растущая ориентация на открытость) способствовало «распространению идей феминизма и укреплению положения женщины в обществе» [5, с. 156]. Пространство самореализации, доступное для китайских женщин, значительно расширилось – помимо традиционных семейных ролей для них стали доступны ранее считавшиеся исключительно «мужскими» возможности профессионального и личностного развития. Но самое главное – китайские женщины получили право самостоятельно проектировать собственные жизненные сценарии, что существенным образом сказалось и на их системе ценностей, и на паттернах самосознания. В подтверждение данному тезису можно привести примеры успешных китайских женщин, сумевших достичь успеха не только в семейной, но и в социальной сферах (например, известная писательница Чжан Цзе, художницы Чжан Цяньин, Тан Юньюй, Лян

Байбо, Чжоу Лихуа, Лян Сюэцин и т. д.). Более того, китайские женщины постепенно появляются на политической арене – пока еще «в качестве супруги своего высокопоставленного мужа (например, госпожа Пэн Лиюань, жена Председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина)» [11], однако уже это можно считать значительным достижением.

Помимо идей западного феминизма, еще одним важным фактором, оказавшим влияние на репродуктивные установки китайских женщин, стало распространение в Китае идеологии информационного общества и, в частности, развитие в 1990-х гг. киберфеминизма. Киберфеминизм – это направление в феминистической философии, изучающее изменения в гендерных отношениях в киберпространстве и применительно к новым информационным технологиям [12]. Его не стоит полностью отождествлять с феминизмом, поскольку новое время и развитие высоких технологий требует введения адекватных ему терминов, поэтому киберфеминизм выступил своего рода новым способом выражения идей нового феминизма, в рамках которого киберпространство становится новой ареной для пропаганды феминистических взглядов. Благодаря киберфеминизму китайские женщины получили доступ к информации, касающейся гендерных моделей взаимоотношения. Сейчас интернет предоставляет женщинам возможность публично высказаться, выразить свои самые сокровенные желания, важные требования, осознать ценность своей жизни, не ограничиваясь рамками семьи как единственно возможным способом самореализации. Как результат все больше китайских женщин получают возможность публично обсуждать не только вопросы, связанные с гендерно-ролевыми моделями и традициями (например, частично сохраняющаяся в Китае традиция выкупа невесты) или же семейными отношениями, но и перспективы образования, саморазвития, трудоустройства. Даже обычные ресурсы самопрезентации себя в интернет-пространстве (создание аккаунтов в социальных сетях, ведение личных блогов и пр.) позволили молодым китайкам «получить символическую власть над собственным телом, осознать независимость» [7, с. 151].

Проинтерпретируем вышеупомянутые тенденции с использованием теоретической концепции экзистенциального феминизма С. де Бовуар, которая выдвигает тезис о том,

что в патриархальном обществе мужчины как первый пол существуют как субъекты общества, а женщины являются лишь отражением мужского самоосуществления, становясь «другими» без самости (отражением мужского «Я», «вторым полом»). Следовательно, право на распоряжение собственным телом (в частности принятие решение о рождении ребенка) у женщины выражено не так ярко, как у мужчины (который в условиях традиционного китайского общества часто единолично принимает решение о количестве детей в семье). Однако, как отмечает С. де Бовуар, женщины не рождаются «вторым полом», таковыми их делает общество. Следовательно, при появлении возможности самостоятельно управлять своей жизнью первое, к чему стремятся женщины, – вернуть контроль над собственным телом – в частности, принимать решения, связанные с деторождением, которое становится не обязанностью женщины, а ее свободным правом. Следовательно, ключевыми факторами, оказавшими влияние на формирование репродуктивных установок молодых китайок, по нашему мнению, стали, во-первых, распространение в Китае ценностей западного феминизма (в частности, право на свободное распоряжение собственным телом) и, во-вторых, широкое внедрение в повседневную жизнь цифровых технологий (в виде киберфеминизма), которые способствовали формированию категории женщин, намеренных сохранять собственную свободу и независимость от мужчин (оставаться незамужними, не заводить детей, добиваться равенства полов, искать возможности самореализации за пределами семейной сферы и пр.)» [6, с. 155]. При этом вышеупомянутая категория женщин является наиболее активными пользователями социальных сетей, что способствует широкому продвижению контента, связанного с идеями феминизма, идеологии

чайлдфри, равенства полов, борьбы против угнетения женщин.

Заключение. Таким образом, влияние идей феминизма (в том числе и киберфеминизма) в конечном счете привело к коренной перестройке образа китайской женщины, которая становится более раскрепощенной, свободной, нацеленной на поиск собственных смысловых ориентиров. Однако обратной стороной данного процесса является нежелание современных китайских женщин повторять репродуктивные модели поведения своих предшественниц, что, по нашему мнению, в значительной степени объясняет упомянутое выше снижение общего коэффициента рождаемости до критически низких значений, а также отсутствие сколько-нибудь значительного успеха проводимой государственной политики в области стимулирования рождаемости. Благодаря доступности получения образования, распространению литературы, возможности активно пользоваться виртуальным информационным пространством китайские женщины перестали замыкаться в малой семейной группе, смогли выходить из дома, соприкасаться с окружающим миром, активно участвовать в различных социальных процессах, воплощая в жизнь общества собственные идеалы, вследствие чего их репродуктивные установки изменились. С одной стороны, осознанное материнство и планирование семьи – это привилегия цивилизованной жизни, и неудивительно, что современные высокообразованные китайские женщины в большей степени стремятся к идеальной личной жизни, за счет своего максимального самовыражения в разных сферах, а не только в одной, в семейной. С другой стороны – право женщин самостоятельно выбирать, когда и сколько детей иметь, приводит к снижению рождаемости населения и сложностям в реализации государственной политики в сфере народонаселения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Yang, F. Research on the history of family planning in contemporary China. Doctoral dissertation / F. Yang. – Zhejiang: Zhejiang University, College of Human Communication, 2004 – 113 p.
2. Организация Объединенных Наций. Департамент по экономическим и социальным вопросам. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://population.un.org/wpp/Publications/2021-01-02>. – Дата доступа: 15.01. 2023 г.
3. de Beauvoir, S. Selected. Translation by Li Qiang / S. de Beauvoir. – Beijing : Xiyuan Publishing House, 2004 – 405 p.

REFERENCES

1. Yang, F. Research on the history of family planning in contemporary China. Doctoral dissertation / F. Yang. – Zhejiang: Zhejiang University, College of Human Communication, 2004 – 113 p.
2. Organizaciya Ob'edinennyh Nacij. Departament po ekonomicheskim i social'nym voprosam. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://population.un.org/wpp/Publications/2021-01-02>. – Data dostupa: 15.01. 2023 g.
3. de Beauvoir, S. Selected. Translation by Li Qiang / S. de Beauvoir. – Beijing : Xiyuan Publishing House, 2004 – 405 p.

4. *Jagel, A.* Feminist politics and the human nature / A. Jagel. – Moscow : Higher Education Press, 2009. – 259 p.
5. *Jiang, T.* The value of the creation of «network feminism» is discussed / T. Jiang // *Literary and artistic contention.* – 2020. – № 11. – P. 156–162.
6. *Du, Y.* Network feminism in the media gender horizon / Y. Du, L. Guo // *Learning and Exploration.* – 2021. – № 2. – P. 155–160.
9. *Duanmu, J.* The pitfall of Chinese traditional culture / J. Duanmu. – Beijing : Changzheng Publishing House, 2005. – 306 p.
10. Корноухова, Г. Г. Особенности китайского женского движения в первой половине XX в.: исторический взгляд современных китайских исследователей / Г. Г. Корноухова, Е. С. Луковкина // *Вестник РУДН.* – 2014. – № 2. – С. 47–57.
11. *Zhang, X.* Is high human capital Women are more willing to have a second child. Transformation of fertility intention based on human capital / X. Zhang, Y. Cui // *Tsinghua University Journal (Philosophy and Social Sciences edition).* – 2020. – № 35 (02). – PP. 182-193.
12. Хань, Ю. Исследование женского движения Китая / Ю. Хань // *Universum. Информационно-аналитический научно-образовательный журнал Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.* – 2008. – № 82. – С. 367–372.
13. *Ishutina, Yu. A.* К вопросу о трансформации статуса женщины в китайском обществе в эпоху осуществления модернизации / Ю. А. Ишутина // *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств.* – 2018. – № 2. – С. 187–196.
14. *Jiang, T.* New change and direction of the “female direction” narrative of network feminism / T. Jiang // *Journal of Shenzhen University (Humanities and Social Sciences Edition).* – 2020. – № 37 (05). – P. 151–159.
4. *Jagel, A.* Feminist politics and the human nature / A. Jagel. – Moscow : Higher Education Press, 2009. – 259 p.
5. *Jiang, T.* The value of the creation of «network feminism» is discussed / T. Jiang // *Literary and artistic contention.* – 2020. – № 11. – P. 156–162.
6. *Du, Y.* Network feminism in the media gender horizon / Y. Du, L. Guo // *Learning and Exploration.* – 2021. – № 2. – P. 155–160.
9. *Duanmu, J.* The pitfall of Chinese traditional culture / J. Duanmu. – Beijing : Changzheng Publishing House, 2005. – 306 p.
10. *Kornouhova, G. G.* Osobennosti kitajskogo zhenskogo dvizheniya v pervoj polovine XX v.: istoricheskij vzglyad sovremennyh kitajskih issledovatelej / G. G. Kornouhova, E. S. Lukovkina // *Vestnik RUDN.* – 2014. – № 2. – S. 47–57.
11. *Zhang, X.* Is high human capital Women are more willing to have a second child. Transformation of fertility intention based on human capital / X. Zhang, Y. Cui // *Tsinghua University Journal (Philosophy and Social Sciences edition).* – 2020. – № 35 (02). – PP. 182-193.
12. *Han', Yu.* Issledovanie zhenskogo dvizheniya Kitaya / Yu. Han' // *Universum. Informacionno-analiticheskij nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gerцена.* – 2008. – № 82. – S. 367–372.
13. *Ishutina, Yu. A.* K voprosu o transformacii statusa zhenshchiny v kitajskom obshchestve v epohu osushchestvleniya modernizacii / Yu. A. Ishutina // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv.* – 2018. – № 2. – S. 187–196.
14. *Jiang, T.* New change and direction of the “female direction” narrative of network feminism / T. Jiang // *Journal of Shenzhen University (Humanities and Social Sciences Edition).* – 2020. – № 37 (05). – P. 151–159.